Вырезка из газеты

ГОРЬКОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Горький

БРОНЕНОСЕЦ И ПЕСНЯ

ИНТЕРВЬЮ С НАРОДНЫМ
АРТИСТОМ СССР Л. О. УТЕСОВЫМ

СОВЕТСКИЕ люди и все прогрессивное человечество отмечают 70-летие первой русской революции 1905—1907 гг. Ярким мгновением этой революции было восстание на броненосце «Потемкин» — легендарном боевом корабле Черноморского флота. Одиннадцать дней продолжалось его беспримерное противостояние царскому самодержавию.

Немногим из ныне живущих одесситов довелось быть свидетелями этого беспримерного события, видеть восставшего «Потемкина», который остался «непобежденной территорией революции». И вот встреча со свидетелем исторического события. Это народный артист СССР Леонид Осипович Утесов. В день восстания «Потемкина» Леониду Осиповичу, одесситу, шел одиннадцатый год...

Наш корреспондент В. Малюгин встретился с Л. О. Утесовым в Москве и взял у него интервью.

— Леонид Осипович, что вы помните о том дне, когда над мятежным «Потемкиным» взметнулся красный флаг революции!

— Помню волнение всех окружающих. Одни говорили о «Потемкине» со страхом, другие с надеждой. Мы, мальчишки, с необыкновенным любопытством пытались проникнуть в сущность событий. Мы бежали на бульвар, проникали туда, куда даже взрослым было трудно пройти, — к палатке, где лежал убитый матрос Вакулечук. Я смотрел потом фильм Сергея Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин». Я не видел тогда в Одессе расстрела на лестнице, но я видел то, чего не было в этой кинокартине: пожар порта. Если вы сегодня спросите меня о виновниках и причинах пожара, я скажу: не знаю. Но пожар был огромный, горели склады, портовые здания. Тушить пожар было трудно, так как пожарники не были снабжены автотранспортом, и все четыре пожарные части Одессы были бессильны что-либо сделать...

— Нам известно, что броненосец «Потемкин» и его герои навсегда стали темой вашего творчества.

— Да, это, пожалуй, так. Вообще судьба моряка — вечная тема моих выступлений. Моряк как таковой безмерно близок мне, а образ героя Вакулечука при воспоминании о восстании на броненосце «Потемкин»

встает передо мной во весь гигантский рост.

— Леонид Осипович, мы знаем, что вы написали цикл новелл «Моя Одесса». И что в книжном издательстве Всероссийского театрального общества готовится к печати ваша новая книга «Спасибо, сердце!»

— Новая книга — это воспоминания, размышления о жизни и искусстве, будут в ней мои стихи и новеллы и среди них новелла «Потемкин». Итак, «Потемкин».

«Гордо реет буревестник». Не в воздушных просторах. Мощной стальной грудью рассекает он волны Черного моря, плывя к берегам Одессы. И зовется буревестник «Потемкин». Тельняшки!

Почему за вашими пестро-полосатыми линиями горят большие сердца? Бескозырки! Почему под вами гнездятся волнющие мысли? Матросы! Почему с ваших соленым ветром обветренных губ срываются слова: «Долой палачей! Свобода!»

К Одессе идет «Потемкин». На борту — пулей сраженный смельчак — матрос Вакулечук.

«Потемкин» больше не служит царю. Он служит революции. Одесса в смятении. Котелки и шляпы в ужасе. Платочки и кепки в волнении.

«Потемкин» стоит за волноходом на рейде. Вакулечук лежит в палатке на молу.

«Один за всех — все за одного», — надпись на груди Вакулечука.

«ПОТЕМКИН»

Бесконечной вереницей тянутся к палатке рабочие, портовые грузчики, студенты, гимназисты.

Потемкинцам надо есть. Их мучит жажда.

Одесса, дай героям пищу, дай воду!

Но все это в руках «отцов города», а им не по пути с буревестником.

Они хотят измором взять непокорившихся.

Не выйдет...

На шаландах, на яликах с Пересыши, с Малого, Среднего и Большого Фонтапов рыбаки, рабочие везут «Потемкину» все, что могут оторвать от себя. Делятся последним.

Мало, мучительно мало. Тогда пушки — на центр города.

Революция ставит ультиматум:

«Или вы нам пищу, или мы вам залп».

Подлецовало.

«Потемкин» разворачивается, поднимает красный флаг и, простились поднятыми бескозырками, гордо уносит свою славу в даль времен».

— Спасибо, Леонид Осипович! А теперь еще один вопрос, также имеющий отношение к «Потемкину». В пятидесятые годы в ваших концертах и по радио часто звучала песня «Спустилась ночь над бурным Черным морем...» Песня была очень популярна, она и сейчас звучит в концертах по заявкам радиослушателей. Скажите, кто ее написал! Ведь в одном из песенников, выпущенном Горьковским книжным издательством, сказано, что слова песни — народные...

— История этой песни очень интересная. Я долго пел песню «Раскинулось море широко». Ни один концерт моего оркестра не обходился без нее. Но прошло несколько лет, и я понял, что пора «менять пластинку». Нужна новая песня, в которой тоже будет судьба человека, судьба трагическая, волнующая. Где взять такую песню? И я пошел на... «подло». В то время в руководимом мной оркестре был музыкант-тромбонист Илья Фрадкин. Он неудурно владел стихом, и я обратился к нему с предложением написать песню в стиле «Раскинулось море широко» с волнующим сюжетом, полным драматизма, с простой музыкальностью, вполне доступной для слушателя широкого круга слушате-

лей. «Но о чем?» — спросил меня Илья Фрадкин. — «О восстании на броненосце «Потемкин». Музыку я уже сочинил». — И я спел придуманную мной незамысловатую мелодию.

Через два дня он принес мне готовый текст. Но для того чтобы исполнить эту песню со сцены, надо было получить одобрение со стороны руководства. Я пошел к одному из вышестоящих начальников, человеку очень чуткому, любящему искусство.

«Вот я получил письмо от матроса, от старика, — сказал я ему, — он написал стихи о восстании на броненосце «Потемкин» и простую музыку. Я хочу вам спеть эту песню и услышать ваше к ней отношение».

Я сел на ступ, закрыл глаза и тихим голосом запел:

Спустилась ночь над бурным
Черным морем,
И за кормой бежит за валом
вал,
С бывалым старым моряком
в дозоре
Матрос на вахте молодой
стоял...

— Скажи мне правду,
ведь служил ты, дядя,
На корабле, что воевал
с царем!

— Служил, сынок.
— Скажи же, ради бога,
Как красный флаг
вы подняли на нем!

Я спел последнюю фразу — и посмотрел на своего единственного слушателя. Он был взволнован, он смотрел на меня долгим грустным взглядом и сказал мне: «Скажите мне, почему народ может писать такие песни, а наши поэты и композиторы не могут?»

Внутреннее мое ликование было безбрежно, но я так и не сказал правду.

Итак, песня была опубликована как народная и в песенных сборниках числилась в том же жанре, и я долго молчал. Но прошли десятилетия, и сегодня я могу сознаться в содеянном.

Было восстание «Потемкина», о нем никто никогда не забывает, о нем писали и пишут. Но если в песне это все было воспето, то хорошо ли, плохо ли, но это было сделано мной, Ильей Фрадким и Аркадием Островским, который играл тогда в моем оркестре.

— Большое спасибо, Леонид Осипович, за интересный рассказ.